

НЕУЛОВИМЫЯ МГНОВЕНЬЯ

Благосклонному читателю

Второй сборникъ моихъ стиховъ, сгруппированныхъ (за очень рѣдкими исключеніями) въ хронологическомъ порядкѣ, содержитъ (также за рѣдкими исключеніями) все, сочиненное послѣ выхода въ свѣтъ «Сирени Таврическаго сада». Сдѣланные за это время переводы вошли по большей части въ приложеніе къ «Гомеровою Иліадѣ», и, поскольку читатель у этихъ книгъ примѣрно одинъ и тотъ же, здѣсь они отсутствуютъ. Изъ старыхъ — только фрагменты «Фаэтона» Еврипида¹ и нѣсколько

¹ Древній міръ и мы. Классическое наслѣдіе въ Европѣ и Россіи. СПб.: Bibliotheca classica Petropolitana, 2012. С. 370–377 (въ упрощенной орфографіи).

мелочей, а новыхъ, не попавшихъ въ упомянутое приложеніе, совсѣмъ немного.

Поскольку стихи пишутся медленно, объемъ для книжки, которую не стыдно было бы взять въ руки, былъ бы достигнутъ спустя еще два десятилѣтія, а можетъ быть, и никогда. Потому къ нимъ присоединяются два прозаическихкихъ эссе — статья объ имперскомъ сознаніи римлянъ и предисловіе къ такъ и не вышедшей подборкѣ учебныхъ текстовъ изъ «Метаморфозъ». Сборникъ получается, такимъ образомъ, своего рода «Опытами въ стихахъ и прозѣ».

Мнѣ неоднократно приходилось и писать, и говорить, что новое творчество не нужно, что стараго вполне достаточно. Разумѣется, это распространяется и на мои писанія — они относятся къ числу сугубо необязательныхъ. Я скорѣе хочу зафиксировать ихъ для себя, нежели произвести посланіе міру — тѣмъ паче что посланія въ жизненномъ и философскомъ смыслѣ тамъ, кажется, и нѣтъ. А засимъ пожелаю читателю, который все-таки рѣшится овладѣть этой книгой, пріятнаго чтенія.

Автоэпитафія

Здѣсь Любжинъ погребень. Спокойно жить мечтаю,
Лишь поздно понялъ онъ: то мысль была пустая.
И, смерти посѣченъ безжалостной рукой,
Подъ камнемъ наконецъ вкушаетъ онъ покой.

15 декабря 2017 года

Э С С Е

БОГИ АЗБУЧНЫХЪ ИСТИНЪ Расцвѣтъ и упадокъ Римской имперіи глазами римлянъ

Я — римскій міръ періода упадка,
Когда, встрѣчая варваровъ рой,
Акростиhi слагаютъ въ забытiи
Уже, какъ вечеръ, сдавшаго порядка...
Душѣ со скуки нестерпимо гадко,
А говорятъ, на рубежахъ бои.
О не умѣть сломить лѣта свои!
О не хотѣть прожечь ихъ безъ остатка!¹

Полю Верлену

Знаменитый сонетъ Поля Верлена (1844–1896) противорѣчитъ общей тенденціи римской литературы: въ самомъ Римѣ функцію переживания упадка взяли на себя историки (задолго до того, какъ этотъ упадокъ привелъ къ дѣйствительному крушенію), а поэты, какъ имъ и положено, воспѣвали величіе державы. Можетъ ли то, что они — тѣ и другіе — оставили намъ въ наслѣдство, быть сегодня поучительнымъ — хотя бы такъ, какъ сама римская исторія?

Сначала уточнимъ картину. Съ нашихъ сегодняшнихъ позицій она представляется такой: былъ краткій періодъ царей (это еще никакая не имперія), была римская республика отъ

¹ Пер. Б. Л. Пастернака.

паденія царской власти и до битвы при Акціумѣ, потомъ была Имперія, которая постепенно распадалась и погибала, пока ее не сокрушили варвары. Это общее представленіе. Болѣе искусенные люди вспомнятъ о внутреннихъ водораздѣлахъ Имперіи: принципатъ и доминатъ, язычество и христіанство, кризисъ III в. по Р. Х. и послѣдующій культурный взлетъ передъ самымъ концомъ. Но для самихъ римлянъ водораздѣла не было — «имперія» и «республика» сосуществовали отъ начала и до конца, слово «императоръ» соотвѣтствовало современному «генералу» (въ крайнемъ случаѣ — «фельдмаршалу»), а консульскія и преторскія должности мирно сосуществовали съ непонятной должностью непонятно кого — то «принцепса», то «августа», то «цезаря». Монархія мимикрировала подъ республику настолько послѣдовательно, что даже не смогла ввести законъ о престолонаслѣдіи (цѣна этого упущенія сопоставима только съ нелѣпой военной организаціей республики въ эпоху Ганнибаловыхъ войнъ, когда граждане, по традиціи боявшіеся собственной арміи больше чужой, догадались ввѣрить командованіе двумъ полководцамъ съ принципиально противоположными стратегическими воззрѣніями, приказавъ имъ смѣнять другъ друга каждый день). Такъ что противоположность между періодами до и послѣ Августа для римлянъ была не столь яркой, какъ для насъ; и осмысливали они ее нѣсколько иначе, въ иныхъ категоріяхъ, нежели люди XX–XXI столѣтій. Сначала обратимся къ поэзіи.

Первый великій поэтъ Рима — Энній (239–169 гг. до Р. Х.). Онъ засталъ Вторую Пуническую войну и неудержимый ростъ государства. Его эпосъ «Анналы» былъ посвященъ всей римской исторіи. И въ чемъ же онъ видѣлъ причину этихъ успѣховъ?

Доблестны римляне такъ, какъ это небо глубоко...

Страхъ имъ не вѣдомъ, они, полагаясь на доблесть, спокойны...

Нравами предковъ сильна и могуча республика римлянъ...²

² Пер. М. Л. Гаспарова.

Итакъ, три кита, на которыхъ зиждется римское могущество, — нравы предковъ, доблесть, спокойствіе. Какъ отъ этого далеко до циничной, но во многомъ справедливой реплики знаменитаго австрійскаго фельдмаршала Р. Монтекукколи (1609–1680): «Для войны нужны три вещи: первое — деньги, второе — деньги и третье — деньги»!

Реплика величайшаго поэта Запада Вергилія, заставшаго самый пикъ римской славы и могущества, о будущемъ Рима — одна изъ самыхъ знаменитыхъ въ его творчествѣ:

Смогутъ другіе создать изваянья живыя изъ бронзы,
Или обличье мужей повторить во мраморѣ лучше,
Тяжбы лучше вести и движенья неба искуснѣй
Вычислять иль назовутъ восходящія звѣзды, — не спору.
Римлянинъ! Ты научись народами править державно —
Въ этомъ искусство твое! — налагать условія мира,
Милость покорнымъ являть и смирять войною надменныхъ!³

Империалистическій пафосъ здѣсь очевиденъ. Но есть и другая сторона, которую обычно оставляютъ въ сторонѣ: Римъ смиренно признаетъ чужое превосходство въ самыхъ различныхъ областяхъ и — разовьемъ мысль, не искажая ея, — выражаетъ готовность учиться у другихъ народовъ. Теперь возьмемъ другой срѣзь, изъ кризисной эпохи. Вотъ поэма «Возвращеніе» Рутілія Намаціана, написанная въ 417 году, вскорѣ (!) послѣ разрушенія міроваго города готами Алариха:

Пламень ливійскихъ пустынь твою поступь замедлить не въ силахъ
Или Медвѣдицы хладъ лютой — тебя отразить;
Сколько для жизни дала природа подъ небомъ пространства,
Мужеству, Римъ, твоему столько открыто путей.
Родину создалъ одну ты для многихъ племенъ и языковъ:
Несправедливымъ къ тебѣ выгодно въ плѣнъ попадать.
Право свое даровавъ побѣжденнымъ, сроднившись судьбою,
Въ Римъ ты сумѣлъ превратить, міромъ что прежде звалось.

³ Пер. С. А. Ошерова.

Рутилій — выходець изъ галльской аристократіи, отдаленный потомокъ тѣхъ, кто когда-то бралъ Римъ и ожесточенно сопротивлялся римскимъ арміямъ въ долинѣ По и на территории современной Франціи. Тѣмъ показательнѣй то, что онъ говоритъ: онъ объединяетъ идею Эннія — доблести, и идею Вергилія — справедливости, и уже не отъ лица самого Рима, а какъ гражданинъ, оцѣнившій преимущества *Pax Romana*. Такова римская идея у поэтовъ. Теперь обратимся къ историкамъ.

Первые римскіе писатели на историческую тему — пропагандисты. Даже выборъ языка указываетъ на иностранную аудиторію — до Катона Старшаго пишутъ по-гречески. Въ этой словесности, сохранившейся до насъ лишь въ жалкихъ отрывкахъ, нѣтъ — сколько можно судить — серьезнаго размышленія о судьбахъ державы. Отъ исторіи Катона мало что сохранилось; но его взгляды намъ извѣстны. Въ частности, въ знаменитой рѣчи противъ войны съ родосцами (долгое время вѣрными союзниками, которые своимъ первокласснымъ флотомъ обеспечивали Риму перевѣсъ въ восточныхъ моряхъ), онъ предупреждаетъ своихъ согражданъ: «Говорятъ, что родосцы высокоумѣрны... Пусть они будутъ высокоумѣрны сколько угодно. Что намъ до того? Развѣ у насъ вызоветъ гнѣвъ то, что кто-то болѣе высокоумѣренъ, чѣмъ мы?» Но постепенно оно возникаетъ, причемъ гораздо раньше, чѣмъ не только существованіе, но и первенство Рима могутъ оказаться подъ угрозой. Первый, кто заговорилъ объ опасности, — Л. Кальпурній Пизонъ Цензорій Фруги (прозвище Фруги означаетъ «разумный»). Этотъ практическій политикъ, консерваторъ и противникъ революціи Гракховъ вводитъ въ римскую исторіографію идею паденія нравовъ; причемъ датировки его точны: роскошь проникла въ Римъ и одержала побѣду въ 187 г. до Р. Х., цѣломудріе погибло въ 154 году.

Эту мысль подхватываетъ крупнѣйшій историкъ переломной эпохи Саллюстій. До насъ дошли двѣ его монографіи цѣликомъ — «Заговоръ Катилины» и «Война съ Югуртой», и отрывки (въ основномъ рѣчи и письма персонажей) изъ болѣе

обширной «Исторіи». Саллюстія считали римскимъ Фукидидомъ; для такого сопоставленія есть основанія; но, несмотря на разницу въ 400 лѣтъ, мысли греческаго историка звучатъ для насъ гораздо болѣе современно, чѣмъ мысли римлянина. Для Фукидида важны вопросы морскаго могущества сверхдержавы, соотношенія силъ, стратегіи и тактики; Саллюстій все это не обсуждаетъ. Центръ тяжести для него лежитъ въ совершенно иной сферѣ. Вотъ какъ онъ описываетъ переломную точку въ первой своей монографіи: «Но когда государство благодаря труду и справедливости увеличилось, когда могущественные цари были побѣждены въ войнахъ, дикія племена и многочисленныя народы покорены силой, Карѳагенъ, соперникъ Римской державы, разрушенъ до основанія и всѣ моря и страны открылись для побѣдителей, то Фортуна начала свирѣпствовать и все ниспровергать. Кто ранѣе легко переносилъ труды, опасности, сомнительныя и даже трудныя обстоятельства, для тѣхъ досугъ и богатства, желанныя въ иныхъ случаяхъ, становились бременемъ и несчастьемъ. И вотъ, сначала усилилась жажда денегъ, затѣмъ — власти; все это было какъ бы главной пищей для всяческихъ золъ. Ибо алчность уничтожила вѣрность слову, порядочность и другія добрыя качества; вмѣсто нихъ она научила людей быть гордыми, жестокими, продажными во всемъ и пренебрегать богами. Честолюбіе побудило многихъ быть лживыми, держать одно затаеннымъ въ сердцѣ, другое — на языкѣ готовымъ къ услугамъ, оцѣнивать дружбу и вражду не по ихъ сути, а по ихъ выгодѣ и быть добрыми не столько въ мысляхъ, сколько притворно. Вначалѣ это усиливалось постепенно, иногда каралось; впоследствии, когда людей поразила зараза, подобная мору, гражданская община измѣнилась; правленіе изъ справедливѣйшаго и наилучшаго стало жестокимъ и нестерпимымъ»⁴.

Та же самая точка перелома — взятіе Карѳагена — фигурируетъ и въ другой книгѣ Саллюстія, о войнѣ съ Югуртой —

⁴ Переводъ В. О. Горенштейна.

затяжной операциі противъ неуловимыхъ кочевниковъ, такъ похожей на исторію чеченской войны, но въ этой монографіи полотно разложенія гораздо шире и красочнѣе. И пессимистичнѣе общій тонъ — человѣкъ самъ по себѣ не удерживается на высотѣ, чтобы проявить свои лучшія качества, ему необходимо кого-нибудь бояться; благополучіе подавляетъ его до блести, и наступаетъ крахъ. Небезпристрастно, но безпощадно историкъ изображаетъ партійные раздоры, съ одной стороны — тиранию и надменность аристократіи, съ другой — необузданное своеволие народа, который руководствуется — подъ вліяніемъ корыстолюбивыхъ демагоговъ — соображеніями не государственнаго интереса, но внутренней вражды. И на этомъ фонѣ гласомъ вопіющаго въ пустынь остаются слова мудраго нумидійскаго царя Миципсы, которому такъ и не удается ничего предотвратить: «Отъ единоплемяннаго малыя силы возрастаютъ, отъ раздоровъ расточаются великія».

Исторія съиграла съ Саллюстіемъ злую шутку. Этотъ консерваторъ, прекраснымъ слогомъ повторявшій — какъ монахъ въ кельѣ — свое вѣчное «грѣхъ нашихъ ради», сталъ учебникомъ заговорщиковъ и революціонеровъ. Последнее поколѣніе его поклонниковъ — русскіе декабристы.

Титъ Ливій — второй великій историкъ Рима — дошелъ до насъ далеко не полностью. Мы не можемъ знать, высказывалъ ли онъ свои мысли такъ же отчетливо, какъ Саллюстій. Онъ пишетъ въ эпоху, когда острѣйшій кризисъ гражданской войны казался преодолѣннымъ, и его вниманіе привлекаютъ прежде всего типы поведенія, которые ведутъ Имперію къ величію и упадку. Описывая страшную казнь за предательство Меттія Фуфетія (очень рано, еще при царяхъ), онъ съ гордостью пишетъ о томъ, что послѣ Римъ не зналъ такихъ казней. Образцовымъ для него является поведеніе Камилла, осадившаго Фалеріи; когда школьный учитель привелъ къ нему дѣтей наиболѣе видныхъ согражданъ въ заложники, Камиллъ далъ дѣтямъ прутья, чтобы тѣ гнали предателя обратно въ городъ; и горожане, которыхъ не смогло сломить римское оружіе,

немедленно сдались, потрясенные римской справедливостью. Разсудительность, мудрость, согласие, миръ, мягкость — то, что историку ближе всего и въ чемъ онъ усматриваетъ секретъ величія державы.

Историчны ли эти эпизоды и герои? А, собственно, какая разница? Важно, что общественное мнѣніе считаетъ у своихъ лидеров должнымъ и похвальнымъ. Есть страны и цивилизации, гдѣ поступокъ Камилла былъ бы сочтенъ несусвѣтной глупостью; есть и другіе страны и политики, которые, одобряя Камилла и уклоняясь отъ исполненія своихъ декларативныхъ принциповъ, поступили бы иначе.

Впрочемъ, проецируя въ прошлое нравственные идеалы современной ему эпохи, Ливій видитъ и противоположный процессъ. Въ предисловіи, предугадывая, что читатели поспѣшатъ отъ сѣдой древности къ современной эпохѣ, «когда государство страдаетъ подъ бременемъ собственной тяжести», когда «силы самага мощнаго народа истребляютъ сами себя», онъ хочетъ найти убѣжище отъ этого зрѣлища въ древности и приглашаетъ съ собой читателей.

Третій великій — и, можетъ быть, самый крупный историкъ Рима — Тацитъ, котораго по недоразумѣнію считаютъ сторонникомъ реставраціи республики. Онъ опирается уже на совершенно другой опытъ — и доносить его до насъ лишь частично. Громадная, раскинувшаяся отъ германскихъ лѣсовъ до африканскихъ пустынь и отъ холодныхъ водъ Атлантическаго океана до теплаго Персидскаго залива держава пользовалась всѣми благами мира; центральныя власти мало вмѣшивались въ дѣла муниципіевъ, предпочитая сохранить всѣ мѣстныя установленія, какія только возможно совмѣстить съ верховенствомъ Имперіи; не тревожимые врагомъ города, гдѣ кипѣла живая общественная жизнь, соревновались другъ съ другомъ въ пышности построекъ и въ насыщенности своей культуры; инфраструктура, построенная тогда (дороги, акведуки, амфитеатры), работоспособна до сихъ поръ; на руинахъ поверженныхъ цивилизацій ихъ потомки ревностно овладѣвали

культурой побѣдителя, вливались въ его ряды, подпитывали своей свѣжей кровью дряхлѣющія силы міровой державы; развалины Помпей и Геркуланума показываютъ намъ утонченную, изящную жизнь, а труды писателей — общество, болѣе развитое, болѣе «современное» даже въ чемъ-то, нежели наше, сегодняшнее; въ человѣческой исторіи никогда — ни до, ни послѣ — не было достигнуто ничего подобнаго.

Всего этого Тацитъ почти не замѣчаетъ. Онъ держитъ въ центрѣ своего вниманія императора и знать. Будучи ограниченъ сенатской перспективой и не выходя за рамки этого круга (который въ первую очередь и страдалъ отъ императорскаго деспотизма — для самыхъ жестокихъ государей оскорбляться выходками простонародья было дурнымъ тономъ, и какой-нибудь варваръ-сапожникъ могъ позволить себѣ такія слова, за которыя выходецъ изъ знатнаго рода ожидалъ себѣ смертнаго приговора), Тацитъ становится зоркимъ діагностомъ и патологоанатомомъ римскаго общества. Цѣнностей, на которыя могла бы опираться свобода, больше нѣтъ; да, кромѣ того, Тацитъ помнитъ не только о жестокостяхъ императоровъ отъ Тиберія до Домиціана, но и о кровавомъ хаосѣ послѣдняго вѣка республики. Меньше, чѣмъ кто бы то ни было, онъ склоненъ обольщаться иллюзіей совершенной формы правленія: свобода ведетъ за собой хаосъ, насильственный порядокъ вырождается въ произволь; и за то, и за другое приходится платить кровью. Потому изъ всего, что можетъ предложить небогатый историческій выборъ, лучше всего — власть порядочнаго государя. Мысль возвращается на круги своя, и снова политическій мыслитель превращается въ моралиста.

Еще чуть раньше Тацита въ римской исторіографіи появляется другая мысль, автора которой мы не знаемъ. Цитирующій ее авторъ ссылается на Сенеку — но ихъ въ римской литературѣ было двое, отецъ-риторъ и сынъ-философъ. Это мысль о сравненіи исторіи съ человѣческими возрастами; потомъ она станетъ общимъ мѣстомъ и будетъ проявляться у историковъ эпохи поздней Имперіи — Флора и Амміана Марцеллина. Въ этой

мысли тоже чрезвычайно мало оптимизма: тогда, когда она была высказана, и дѣтство, и молодость, и, пожалуй, зрѣлость были уже позади. Флоръ пытается выйти изъ логически безнадежнаго положенія — пишетъ о второй молодости при Траянѣ. Но эта попытка сколь произвольна, столь же и неубѣдительна.

Итакъ, цивилизація, создавшая для своихъ гражданъ уровень благосостоянія, превзойденный лишь два — два съ половиной столѣтія назадъ, выдающуюся культуру, науку и технику, разработавшая основныя концепціи права, въ своемъ самосознаніи ограничивалась моральнымъ критеріемъ. Современный наборъ политическихъ цѣлей ей чужды въ гораздо большей степени, чѣмъ даже наборъ политическихъ инструментовъ. Эта цивилизація цѣнила тѣхъ, кто сумѣлъ сохранить нравственное достоинство на развращающемъ тронѣ, а не тѣхъ, кто обезпечивалъ ростъ валоваго внутреннего продукта и гражданскихъ свободъ.

Будетъ ли для насъ поучителенъ урокъ римскаго самосмысленія? А былъ ли онъ поучителенъ для самихъ римлянъ? Ихъ поэты прославляли доблести, возвысившія державу; ихъ историки анализировали причины ея заката, заключающіяся — по ихъ мнѣнію — въ нравственной порочности; а общество развивалось, «модернизируясь», усложняя свои потребности, искало удовольствій и избѣгало труда и жертвеннаго служенія. Мы вправѣ не соглашаться съ діагностами и видѣть причины печальнаго итога въ недостаточномъ ростѣ имперскаго в. в. п. или въ преобладающей мощи варваровъ; современная государственность скорѣе стремится обезпечить различнымъ формамъ моральныхъ уродствъ спокойствіе и комфортъ, нежели бороться съ ними. Цѣнность римскаго урока — въ томъ, что онъ преподанъ до конца. Передъ нами начало, середина и конецъ неплохо документированнаго процесса. Передъ нами — акты внутренней діагностики, написанные самими блестящими писателями міра. Но все дальнѣйшее — поприще свободнаго выбора.

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я

Partez, vos nouveaux étendards
Sont l'ouvrage des Grâces.

* * *

...И мысль, подобная кроту,
Привычная къ подполью,
Вперяться любить въ темноту
И день встрѣчаетъ съ болью.

27 мая 2011 года

* * *

Горя свободой, — снѣдь червя, —
Влекомый силой вдохновенья, —
О чемъ ты думаешь, лоя
Неуловимыя мгновенья?

Здѣсь сталь надежна и крѣпка,
И сводъ безъ трещинъ и отдушинъ.
Пуškai сильна твоя рука —
Не ею будетъ онъ разрушенъ.

Расторгнуть времени тюрьму,
Съ усталыхъ крыльевъ сбросить бремя
Тому по силамъ одному,
Кто создалъ и тюрьму, и время.

Дописано 16 іюня 2012 года

Октавы

Одна тоска, одно изнеможенье
И — слишком частый гость — душевный мракъ,
Безсчётныхъ дѣлъ ненужное круженье,
Грядущихъ бѣдъ пугающій призракъ,
Безсильное и злое раздраженье —
И не могу понять, кто мощный врагъ?
Какъ съ Эверестомъ мышъ и съ солнцемъ льдинка —
Неравныя условия поединка!

Роландъ однажды въ чащѣ заплуталъ.
Съ разсвѣтомъ вставъ, прошедши мили многи,
Онъ долго шелъ и наконецъ усталъ.
Ему почти отказывали ноги.
Ужъ лучъ дневной спускаться пересталъ
Сквозь гущу вѣтокъ. — Въ поискахъ дороги
На дерево высокое онъ влѣзъ:
Вокругъ — сколь хватить глазъ — все тотъ же лѣсъ!

Вотъ такъ и я. — Кто огорчилъ полынью
Труды и дни — доселѣ не пойму.
То вдругъ поманитъ ласковою синью,
То вновь ввергаетъ въ каторжную тьму.
Предѣлъ поставить велѣно уныню,
Но не найти мнѣ способовъ къ тому,
И остается ждать, доколѣ сброшу
Съ усталыхъ плечъ постылой жизни ношу.

Дописано 16 июня 2012 года

Титаникъ

I.

Тонокъ счастья покровъ. Глубоко залегаетъ страданье.
Это смутное чувство... тревога... вездѣ и нигдѣ.
И обратный отсчетъ запустили часы мірозданья,
А «Титаникъ» плыветъ, отражаясь въ холодной водѣ.

Этихъ стрѣлокъ не слышно. Господь, я ввѣряю Тебѣ ихъ.
Если что-нибудь можешь, въ несчастіи ихъ не покинь.
А «Титаникъ» безпечень подѣ сѣнью Медвѣдицъ обѣихъ,
А «Титаникъ» плыветъ, разсѣкая коварную синь.

6 сентября 2021 года

II.

Безпріютный разсвѣтъ окаймляетъ пустыню румянцемъ.
Равнодушный и сонный нависъ надъ землей небосводъ.
А «Титаникъ» летитъ — онъ сравнялся съ летучимъ голландцемъ —
Надъ бездушной землей, надъ безжизненной бездною водъ.

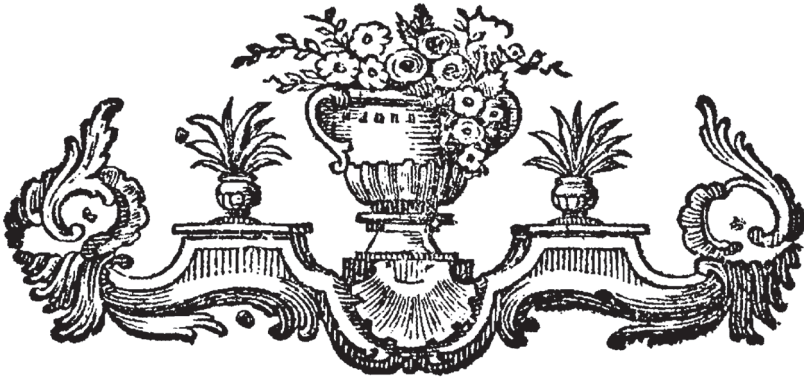
Остановлены стрѣлки. Ты думаешь, было легко имъ
Покидать этотъ міръ въ неудобной полярной водѣ?
А «Титаникъ» летитъ — надъ пустыней, надъ вѣчнымъ покоемъ.
Больше нѣту пріюта, и нѣту тревоги нигдѣ.

7 сентября 2021 года

П Е Р Е В О Д Ы
И
П О Д Р А Ж А Н І Я

Подражаніе Гиппонакту

Помоги, отецъ Килленій,
Вещи нужны украсть,
Безъ тебя мой скорбный геній
Ждетъ жестокая напасть.
Пособи, молю, съ бѣльишкомъ,
Дай сапожки — мягкій ворсъ...
Я продрогъ, и даже слишкомъ,
Я замерзъ, совсѣмъ замерзъ!
Шерстяную дай накидку
Да и золотца слегка,
Дай добратся мнѣ къ избытку
Изъ чужаго сундука...

СТАТЬИ

О

М. М. ХЕРАСКОВЪ

Въ настоящій сборникъ входятъ всѣ опубликованныя авторомъ статьи о Херасковѣ, кромѣ тѣхъ, чье содержаніе полностью устарѣло послѣ выхода въ свѣтъ новыхъ работъ. Онѣ печатаются въ хронологическомъ порядкѣ¹. Базовымъ для цитатъ послужило издание

¹ Техника эпического каталога въ «Россіадѣ» Хераскова. — Мѳѳа. Сборникъ научныхъ трудовъ, посвященный памяти профессора Владимира Даниловича Жигунина. Казань, 2002. С. 512–518;

Христіанскіе источники «Россіады» М. М. Хераскова. — Евангельскій текстъ въ русской литературѣ XVIII–XX вѣковъ. Цитата, реминисценція, мотивъ, сюжетъ, жанръ. Сборникъ научныхъ трудовъ. Вып. 4. Петрозаводскъ, 2005. С. 86–95;

Ода М. М. Хераскова на восшествіе на престолъ Императора Александра I. — Рукописи. Рѣдкія изданія. Архивы. Изъ фондовъ Отдѣла ►

1796 г. — первый томъ Собранія сочиненій. Мы не даемъ ссылокъ на страницы, а только нумеруемъ стихи, согласно подготовленному нами изданію.

рѣдкихъ книгъ и рукописей. Къ 60-лѣтію образования Отдѣла. М.: Водолей Publishers, 2008. С. 181–209;

«Россиада» М. М. Хераскова и античная эпическая традиція. — Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистическихъ изслѣдованій. СПб.: Наука, 2008. С. 415–452;

Приложенеіе. Изъ статьи «Силій Италикъ: къ исторіи рецепціи». — Индоевропейское языкознаніе и классическая филологія — XVI. 18–20 іюня 2012 г. СПб.: Наука, 2012. С. 474–485;

Новоевропейскій эпосъ въ «Россиадѣ» Хераскова. — Русская литература. Историко-литературный журналъ. № 1. 2010. С. 3–25;

«Русскій Гомеръ». Опытъ о литературной репутаціи. Ч. 1. — Вѣстникъ Московскаго университета. Серія 9. Филологія. № 5. Сентябрь–октябрь. Издательство Московскаго университета, 2011. С. 83–96. [Ч. 2]. 2013. № 1. С. 71–86. [Ч. 3]. 2014. № 1. С. 48–58;

Рецензія на книгу: Н. А. Гранцева. Сказанья русскаго Гомера. СПб.: Журналъ «Нева», 2012. 224 с. — Вѣстникъ Университета Дмитрія Пожарскаго. 2018. № 1 (9). Русская литература. С. 67–78;

Рецензія на книгу: Д. П. Ивинскій. М. М. Херасковъ и русская литература XVIII — начала XIX вѣковъ. М.: Р. Валентъ, 2018. 215 с. — Вѣстникъ Университета Дмитрія Пожарскаго. 2020. № 3 (19). Вопросы русской исторіи. С. 86–91.

ТЕХНИКА ЭПИЧЕСКАГО КАТАЛОГА ВЪ «РОССИАДЪ» ХЕРАСКОВА

Я списокъ кораблей прочель до половины.
О. Э. Мандельштамъ

« **П**ОДЪ КАТАЛОГАМИ въ поэзіи мы понимаемъ стихотворенія или части болѣе крупныхъ стихотворныхъ произведеній, чей ходъ заключается не въ послѣдовательномъ развитіи, но въ послѣдовательности однородныхъ членовъ. Такимъ образомъ, когда рѣчь идетъ о каталогахъ, мы имѣемъ дѣло съ продуктомъ опредѣленнаго композиціоннаго принципа. Этотъ принципъ чуждъ, такъ сказать, нѣмецкой литературѣ, но въ противность тому весьма свойственъ эллинской»¹. Каталогъ² — начиная съ «Иліады» — одинъ изъ наиболѣе яркихъ и трудныхъ для современнаго воспріятія отличительныхъ признаковъ античнаго и позднѣйшаго литературнаго

¹ Kataloge in der griechischen Dichtung. Abhandlung zur Erlangung der Doktorwürde der Philosophischen Fakultät der Universität Zürich. Vorgelegt von Hansrudolf Trüb von Winterthur. Buchdruckerei Oberwinterthur, 1952. S. 5.

² Въ нашу задачу не входитъ давать строгое опредѣленіе каталога. Тѣмъ не менѣе двѣ оговорки надо сдѣлать: 1) этотъ перечень однородныхъ элементовъ долженъ быть достаточно значительнымъ по объему, чтобы составлять самостоятельную структурную часть по крайней мѣрѣ соотвѣтствующей пѣсни (*mutatis mutandis* это актуально и для Гомера, но его каталогъ важенъ и для эпоса въ цѣломъ); 2) мы не будемъ разсматривать въ рамкахъ нашей темы перечни героевъ, предстающихъ передъ главнымъ персонажемъ эпоса въ потустороннемъ мірѣ; эти ретроспективно-профетическія процессіи, имѣя съ каталогами неоспоримое сходство, все же самостоятельны и обладаютъ рѣзкими отличительными чертами.

эпоса. Гомеровскій каталогъ — прежде всего такъ называемый «списокъ кораблей»³, который представляетъ собой одну изъ наиболѣ заманчивыхъ проблемъ для реального комментарія; однако сейчасъ читателю именно въ этомъ мѣстѣ особенно трудно почувствовать, чѣмъ былъ этотъ каталогъ для слушателя-современника. Изначально онъ не воспринимается какъ нѣчто длинное и скучное, а самъ по себѣ является элементомъ эпического *ornatus*. Уже у Гомера онъ не сводится къ сухому перечню именъ и чиселъ: здѣсь есть свои структурныя закономерности⁴ и декоративныя детали⁵; онъ вводится обращеніемъ къ Музамъ какъ самостоятельная и значимая часть эпоса. «Затѣмъ слѣдовали элементы безъ эксплицитной связи, вводимые какой-либо анафорой. Они состояли изъ краткой біографіи, гдѣ упоминались родъ и племя, а также особыя характерныя черты героевъ. Затѣмъ слѣдовали обычныя жертвы, а потомъ — обращеніе вождя, укрѣпляющее духъ. Послѣ этого могла начаться битва»⁶. Примѣрно каждые 30 стиховъ мы сталкиваемся съ какимъ-либо вставнымъ эпизодомъ, приведеннымъ, чтобы уменьшить однообразіе⁷. Тотъ фактъ, что за каталогомъ грековъ слѣдуетъ перечень троянскихъ контингентовъ (эпическая «объективность»), не окажется безусловно опредѣляющимъ для традиціи. Есть въ гомеровскомъ каталогѣ — въ самомъ началѣ его — указаніе на его неполноту, которое мотивируется невозможностью перечислить всѣхъ воиновъ⁸:

³ См. также каталогъ Нереидъ: II. XVII. 39 слл.

⁴ The Iliad: A Commentary. General Editor G. S. Kirk. V. 1: books 1–4. G. S. Kirk, Regius Professor Emeritus of Greek. Cambridge, 1985. P. 170 слл. Тамъ же (169–170) лит. о каталогѣ кораблей.

⁵ Kirk выдѣляетъ четыре основныхъ группы эпитетовъ для описанія мѣстностей: «хорошо построенный», «каменистый / высокій», «плодородный / широкій / прибрежный», «милый / священный», а также инья (Ibid. P. 174).

⁶ Hansrudolf Trüb. Op. cit. S. 14.

⁷ Ibid. S. 20.

⁸ Цит. въ переводѣ Е. И. Кострова (Полное собраніе всѣхъ сочиненій и переводовъ въ стихахъ Е. Кострова. Ч. II. СПб., 1802. С. 51–52). Здѣсь ►

О Музы, въ испреннихъ селеніяхъ живущи!
 Извѣстны вы о всемъ, повсюду вы присущи,
 Но смертныхъ слабый умъ не вѣдаетъ всего,
 И слѣдуетъ стопамъ онъ слуха одного,
 Повѣдте убо мнѣ вождей Ахейской рати:
 Простыхъ бо воиновъ подробно исчисляти
 Нѣтъ силъ, и признаюсь, не возмогу отнюдь,
 Хотя бы мѣдяну имѣлъ я тверду грудь,
 И десять языковъ и столько же гортаней,
 Не утомимый гласъ къ вѣщанью грозныхъ браней:
 Коль не исчислите вы сами всѣхъ племень,
 Пришедшихъ разрушать Пергамскихъ твердость стѣнъ:
 Едины убо я суда Элладскихъ строевъ
 Исчислю, нареку начальныхъ въ нихъ Героевъ.

Въ гесіодовскомъ корпусѣ есть поэма «Перечень женщинъ, или Эои» — каталогъ какъ самостоятельное произведеніе⁹. Въ дальнѣйшемъ насъ будетъ интересовать техника каталога тѣхъ эпопей, которыя самъ М. М. Херасковъ называетъ въ предисловіи къ «Россиадѣ» (М., 1807). Это «Энеида» Вергилія, «Фарсалия» Лукана и «Освобожденный Іерусалимъ» Тассо, а также неназванныя «Метаморфозы» Овидія¹⁰.

У Вергилія каталогъ¹¹ играетъ нѣсколько меньшую роль, чѣмъ у Гомера или Овидія. Основной образецъ — перечень италійскихъ вождей, пришедшихъ на помощь Турну; замыкая

и далѣе мы будемъ выбирать переводы, хронологически и стилистически наиболѣе близкіе творчеству М. М. Хераскова.

⁹ Здѣсь для насъ не играетъ роли, дѣйствительно ли авторомъ эпоса является Гесіодъ. Объ исторіи вопроса, а также о техническихъ приѣмахъ оформленія каталога см. прекрасную статью Д. О. Торшилова «Родословныя и миѳы въ „Перечнѣ женщинъ“ Гесіода» (М.: Греко-латинскій кабинетъ. № 3. 2000. С. 44–57).

¹⁰ Объ ихъ вліяніи на «Россиаду» см. мою статью «„Россиада“ М. М. Хераскова и латинская эпическая поэзія» (Ibid. С. 28–42). Тамъ же (с. 29) необходимая библиографія по «Россиадѣ».

¹¹ Диссертация J. Gassner'a, *Kataloge im römischen Epos, Vergil–Ovid–Lucan*, München, 1972, оказалась для меня недоступной.

VII пѣснь (641 слл.), онъ играетъ въ рамкахъ второй части «Энеиды» примѣрно ту же композиціонную роль, что каталогъ кораблей для всей «Иліады». Характеристики героевъ подробнѣе, чѣмъ у Гомера, хотя интересъ къ количеству воиновъ замѣтно уступаетъ вниманію къ индивидуальности героевъ:

Отверзите мнѣ днесь, богини, Геликонъ,
 Пролить ко мнѣ вашъ свѣтъ, мой строите къ пѣснѣ тонь.
 Реките, кіе въ брань владѣтельны герои
 Подвиглися тогда, и съ каковыми строи;
 Реките Витязей славнѣйшихъ имена,
 Какъ звались на Троянъ воставши племена.
 Вы помните, и все вы можете повѣдать;
 Намъ слабый слухъ о семъ едва даетъ что вѣдать.
 Мезентій, первый, правъ презритель и боговъ,
 Ведеть свою гордясь съ Тирренскихъ рать бреговъ.
 Лавсъ сынъ его при немъ, во видѣ Исполина,
 По Турнѣ красотой всѣхъ выситъ до едина;
 Лавсъ, всадникъ удалой, звѣрей въ лѣсахъ ловець,
 Сопровождаемый отъ тысячи сердець,
 Изъ Агиллинскихъ стѣнъ въ сраженіе опасно
 Несущихся за нимъ, несущихся напрасно;
 Достойный быть рожденъ отъ лучшаго отца,
 Какъ отъ Мезентія мрачивша блескъ вѣнца¹².

Военно-генеалогическій аспектъ у Вергилія по сравненію съ Гомеромъ приглушенъ. Напротивъ, нравственный подчеркнутъ. Напр., въ случаѣ съ Мезенціемъ и Лавзомъ превосходство сына надъ отцомъ — гомеровскій мотивъ (ср. Перифета, сына Копрея: II. XV. 641 τοῦ γένετ' ἐκ πατρὸς πολὺ χείρονος υἱὸς ἀμείνων), однако въ данномъ случаѣ контекстъ совсѣмъ иной, не имѣющій отношенія къ каталогу; такимъ образомъ, на всѣхъ уровняхъ рѣшенія Вергилія не являются простыми воспроизведеніями гомеровскихъ. Есть у нихъ и своя содержательная сторона, несво-

¹² *Эней*. Героическая поэма. Пер. съ лат. Г-номъ Петровымъ. [Пѣснь 7]. [СПб.: Тип. Акад. наукъ, 1784]. С. 37–38.

димая къ постороннимъ литературнымъ вліяніямъ: «Каталоги, которые пропускаютъ торопливые читатели, — подготавливаютъ физическое присутствіе Италіи, ея городовъ и жителей»¹³.

Особенно многочисленны и многофункциональны каталоги у Овидія. Онъ, пожалуй, единственный, кто иронически обыгрываетъ каталогъ какъ «скучную» структурную деталь эпоса: перечисляя собакъ Актеона (*Met.* III, 206 слл.) и гостей на свадьбѣ Персея, погибшихъ отъ его руки (V, 1 слл.), онъ говоритъ, что слишкомъ долго было бы упоминать всѣхъ (III, 225 и V, 207 соотв.). Овидій — несравненный мастеръ оживленія своихъ списковъ тонкими деталями (напр., II, 245). Однако значеніе каталога здѣсь можетъ быть лишь локальнымъ.

У Лукана сохраненіе каталоговъ — на фонѣ отсутствія такого обязательнаго элемента эпического декора, какъ «божественный аппаратъ», — имѣетъ цѣлью подчеркнуть величіе предмета. Основная ихъ задача вписывается въ общериторическую рамку, перечеркивающую «объективность» традиціоннаго эпоса. Въ пѣсни I (396 слл.) перечисляются контингенты Цезаря съ цѣлью подготовить ужасъ столицы¹⁴; въ отличіе отъ Гомера перечень офицеровъ Помпея (VII) не находитъ соотвѣтствія для Цезаря, а восточные контингенты перваго демонстрируютъ этнографическія познанія автора. Нѣкоторые каталоги — вмѣстилище «естественнонаучнаго» содержимаго: такъ, въ IX пѣсни подробно перечисляются змѣи съ описаніемъ дѣйствія ихъ яда.

Тассо съ исключительнымъ тактомъ даетъ въ «Освобожденномъ Іерусалимѣ» каталогъ христіанскихъ воиновъ (I, октавы 35–64) въ видѣ смотра войскъ, который устраиваетъ Готфридъ. Это смягчаетъ «односторонность» и «пристрастность» и дѣлаетъ развернутый перечень (какъ и въ «Иліадѣ») своеобразнымъ завершеніемъ вступительной части. Сама по себѣ октава обусловила и подробность описанія: у Тассо не приходится

¹³ *M. von Albrecht.* Geschichte der römischen Literatur. München; New Providence; London; Paris, 1994. I, S. 553.

¹⁴ См. особенно I, 459 слл.

меньше чѣмъ по 8 стиховъ на контингентъ. Въ этомъ отношеніи его каталогъ ближе всего Вергиліеву. Общераспространенное опредѣленіе «Освобожденнаго Іерусалима» какъ эпоса Контрреформаціи¹⁵ отражается во вступленіи каталога и справедливо для его частностей: поэтъ такъ же христианизируетъ гомеровское *ποικίλι / ποικίλα λαῶν* своимъ *pastor de' popoli*¹⁶, какъ первый стихъ его эпопеи — *Santo l'arme pietose e 'l capitano*¹⁷ — первый стихъ «Энеиды». Второй каталогъ — тоже смотръ, но на этотъ разъ уже египетскихъ войскъ, противостоящихъ Готфриду, данъ ближе къ концу эпоса, въ началѣ XVII пѣсни, и ему предшествуетъ болѣе традиціонное для эпической поэзіи обращеніе къ Музѣ съ просьбой перечислить вооружившіеся народы Юга и Востока; онъ включаетъ не всѣ враждебные отряды, а только тѣ, которые пришли на помощь со стороны союзниковъ. Мы приведемъ начало перваго каталога Тассо въ переводѣ А. Ѳ. Мерзлякова¹⁸, не воссоздающемъ октаву:

О ты, отъ коей ночь забвенья и временъ
 Напрасно мнить увлечь, враждебная, свой плѣнъ, —
 О память, стражъ, судья событій знаменитыхъ!
 Открой мнѣ глубины обителей сокрытыхъ,
 Гдѣ тлѣютъ имена сихъ ратей и вождей...
 Се, Франки первые открыли пышность хода.
 Гугъ, братъ Царя, былъ ихъ доселѣ воевода.
 Дружина избранныхъ составила на бой,
 Въ той Франціи странѣ обширной и златой,
 Которая, гордясь природы красотами,

¹⁵ См., напр., главу «Tasso and the Romance of Christian Chivalry» въ кн.: С. М. Bowra. From Virgil to Milton. London, 1945. P. 139–193. См. также: П. А. Катенинъ. Размышленія и разборы. Статья V. О поэзіи итальянской. — П. А. Катенинъ. Размышленія и разборы. М., 1981. С. 111–115.

¹⁶ У Тассо опредѣленіе «пастырь народовъ» относится только къ *епископамъ*, а не къ феодальной знати.

¹⁷ Пою *благочестивое* оружіе и вожда.

¹⁸ Освобожденный Іерусалимъ. Поэма Торквата Тасса, переведенная съ Итальянскаго Алексѣемъ Мерзляковымъ. Часть первая. М., 1828. С. 14–15.

Между четырема покоится рѣками; —
 По смерти Гуга — цвѣтъ избранныхъ, честь земли, —
 Герои къ знаменамъ Клотера притекли.
 Клотерь — начало-вождь ихъ славный, несравненный,
 Безъ сана именовъ Царя превознесенный,
 Вель сильныхъ тысячу въ тяжелѣйшихъ броняхъ;
 Такое-жъ въ слѣдъ число текущихъ на коняхъ.
 Въ обоихъ воинствахъ единый духъ, искусство,
 Вооруженье, видъ и къ славѣ бранной чувство.

Главный каталогъ Хераскова подготовленъ описаніемъ похода войскъ къ Коломнѣ (VI, 31 слл.) —

Какъ будто въ сонмъ одинъ сліяны быстры рѣки,
 Военны силы шлютъ въ сей градъ мѣста далеки.
 Уже казалася со стѣнъ издалека,
 Подъемлющаяся пыль, какъ бурны облака,
 35 И пѣсни по лѣсамъ военны раздаются.
 По всѣмъ градамъ отцы съ сынами разстаются;
 Лобзаютъ сына мать, потоки слезъ лія;
 Прощаются въ слезахъ супруги, и друзья.
 Но только ратники изъ стѣнъ выходятъ въ поле,
 40 Встрѣчаетъ храбрость ихъ, и слезъ не видно болѣ.

Уже во древности извѣстный Музіянъ,
 Который и до днесъ изъ грозныхъ водъ сліянь,
 Стенящія брега свирѣпаго Ильмена,
 Въ Коломну ратныя отправили знамена.
 45 Гдѣ Волховъ твердымъ льдомъ шесть мѣсяцовъ покрытъ,
 Оттолѣ воинство какъ стадо птицъ парить;
 И Ладожски струи въ брегахъ своихъ ярятся,
 Что горды стѣны въ нихъ опустошенны зрятся.
 Уже отверзъ врата дружинѣ Изборскъ градъ,
 50 Гдѣ Труворъ, Рюриковъ княжилъ юнѣйшій братъ;
 Сквозь блата топкія и горы каменисты
 Преходятъ будто бы поля и рощи чисты.

Держаетъ воинство отъ дальныхъ оныхъ мѣсть,
 Гдѣ мщеньемъ Ольгинымъ извѣстенъ Искорестъ.

55 Тамъ, Игорь! видится еще твоя гробница,
 Надъ коей плакала премудрая Царица,
 Хранящая къ тебѣ и во вдовствѣ любовь,
 Принесшая тебѣ Древлянску въ жертву кровь.

Уже отверзлися запечатлѣнны двери,
 60 Союзамъ съ Москвой соединенной Твери;
 Упорство, коимъ сталъ несчастливъ Михаилъ,
 Отборнымъ воинствомъ сей городъ замѣнилъ.

Уже оставили морскія бѣлы воды,
 Вокругъ Архангельска живущіе народы;
 65 Изъ хладныхъ мѣстъ несутъ горящу къ бранямъ грудь
 И храбрость лаврами предъ ними стелеть путь.
 Любовь къ отечеству берега опустошаетъ,
 Которые Двина струями орошаетъ;
 На сихъ берегахъ рожденъ преславный сей пѣвецъ,
 70 Который пріобрѣлъ безсмертія вѣнецъ,
 Который славу пѣлъ и дни златые Россювъ,
 Гремящей лирою извѣстный Ломоносовъ.

Отъ оныхъ сила мѣсть какъ туча поднялась,
 Гдѣ Котросль съ Волгою въ срединѣ стѣнъ слилась;
 75 Гдѣ часто къ небесамъ поднявшися руды сѣрны,
 Для грома облака приготавлиють черны.

Уже съ крутыхъ вершинъ и со береговъ Оки
 Текутъ съ оружіемъ великіе полки;
 Война, и славы рогъ въ Коломну привлекаетъ
 80 Съ тѣхъ мѣстъ народъ, Угра гдѣ съ шумомъ протекаетъ;
 Тамъ храбрость Іоаннъ на вѣки утвердилъ,
 Когда при сихъ берегахъ Казанцовъ побѣдилъ.
 Коломна зреть мужей къ сраженію готовыхъ,
 Притекшихъ отъ луговъ Самарскихъ и Днѣпровыхъ:
 85 Приходятъ ратники къ стѣнамъ на общій сборъ,
 Отъ мѣловыхъ вершинъ, съ лишенныхъ цвѣта горъ,
 Которы жатвою вокругъ благословенны;
 Но кажутся вдали снѣгами покровенны.
 Вооружилися на общаго врага,

90 Благоуханные Донецкіе брега.

Ко подкрѣпленію отечества и трона,
Приходятъ ратники съ извившагося Дона,
Который водъ струи стараясь разносить,
Всю хоцетъ, кажется, Россію оросить.

Какъ видимъ, та общая черта разсмотрѣнныхъ каталоговъ, что они тѣсно связаны со своеобразиемъ каждаго эпоса и представляютъ собой въ концентрированномъ видѣ очеркъ ихъ эстетическихъ и философскихъ особенностей, безспорна и для «Россиады», свободно комбинирующей достижения предшественниковъ въ этой области такъ же, какъ и во всѣхъ другихъ. Подобно Вергилію, Херасковъ также дѣлаетъ свой основной каталогъ (перечень русскихъ полковъ на сборѣ въ Коломнѣ) однимъ изъ центральныхъ пунктовъ эпоса (VI, 41 слл.). Однако это подготовка кульминаціи, а не вступленіе ко второй части, а по своей патетической насыщенности — одинъ изъ самыхъ мощныхъ отрывковъ эпоса вообще. Каждый контингентъ (которымъ отводится по нѣскольку строкъ) содержитъ или упоминаніе связаннаго съ опредѣленной мѣстностью историческаго эпизода (напр., упорство кн. Михаила Тверскаго), либо описаніе пейзажа. Что важно и практически не имѣетъ аналоговъ¹⁹ — отсутствуютъ имена вождей отрядовъ. При этомъ южные ландшафты, съ которыми Херасковъ, уроженецъ этихъ мѣстъ, былъ знакомъ лучше, описываются съ большой — прямо-таки поразительной — точностью, а сѣверные — условно. У нашего поэта безраздѣльно господствуетъ лukanовская «односторонность»: для татарской арміи не дается аналогичныхъ по значимости перечней²⁰. Уникальная

¹⁹ Пожалуй, за исключеніемъ Лукана.

²⁰ Главные герои обороны Казани — шесть мусульманскихъ витязей. Они названы по именамъ (хотя и не въ одномъ мѣстѣ), но развернутаго перечня не создаютъ: Херасковъ не считаетъ нужнымъ сообщать о нихъ ничего, кромѣ — въ крайнемъ случаѣ — ихъ родины: «Изъ Индіи Мирсидь, Черкешенинъ Бразинъ, / Рамида Персянка, и Гидромиръ Срацинъ» (X, 699–700). Впрочемъ, во II пѣсни «Россиады» выступленіе русской арміи изъ Москвы съ упоминаніемъ вождей Пронскаго и Палецкаго, ►

особенность каталога Хераскова — его предварение трогательнымъ прощаніемъ съ уходящими воинами; тотъ элементъ, который вводитъ каталогъ у Гомера, — признаніе въ неспособности перечислить всѣхъ воиновъ — Херасковъ переноситъ въ конецъ, создавая для своего перечня нетрадиціонную рамку. Такія детали, какъ упоминаніе Ломоносова, хронологически гораздо болѣе близкое къ времени жизни автора, чѣмъ къ описываемымъ событіямъ, свидѣлствуютъ о томъ, что сама по себѣ эпическая форма — какъ и у Вольтера — принципиально открыта современному содержанию; въ этомъ можно, конечно, видѣть признакъ кризиса и разложенія традиціонно-эпического жанра, но мы не стали бы торопиться съ подобными заключеніями (вообще же такихъ случаевъ обращенія къ современной тематикѣ — за исключеніемъ освященной еще Вергиліемъ и въ опредѣленной мѣрѣ подготовившей это развитіе процессіей героевъ будущаго въ загробномъ мірѣ — въ эпосѣ совсѣмъ мало). Еще одна черта перечня полковъ у Хераскова, которая бросается въ глаза, — отсутствіе въ каталогѣ именъ вождей cadaго изъ отрядовъ. Нашего эпика часто упрекали въ слабой индивидуализаціи характеровъ (за исключеніемъ нѣкоторыхъ); по-видимому, яркія фигуры изначально не входили въ его замыселъ, что сказывается и на каталогѣ²¹. Такимъ образомъ, онъ опирается на традиціонную технику каталога, но комбинируетъ ея элементы самостоятельно, подчиняя ихъ собственнымъ эстетическимъ цѣлямъ и создавая перечень, не уступающій лучшимъ достиженіямъ предшественниковъ.

а также опричниковъ могло бы составить каталогъ; но здѣсь Херасковъ не реализуетъ эту возможность.

²¹ Это можно считать однимъ изъ аспектовъ того многосторонняго отвѣта, который филологической критикѣ еще предстоитъ дать на риторическій вопросъ П. А. Вяземскаго, заданный въ діалогическомъ предисловіи къ «Бахчисарайскому фонтану»: «Что есть народнаго въ „Россіадѣ“ и „Петриадѣ“, кромѣ именъ?» (Разговоръ между издателемъ и классикомъ съ Выборгской стороны или съ Васильевскаго острова. — П. В. Сочиненія. Т. II. М., 1982. С. 96). Ср. въ этомъ отношеніи прекрасное стихотвореніе Каролины Павловой «Разговоръ въ Кремлѣ».

ХРИСТИАНСКІЕ ИСТОЧНИКИ «РОССИАДЫ»

М. М. ХЕРАСКОВА¹

Если въ русской литературѣ XVIII вѣка и есть произведение, которое ни въ малѣйшей степени не можетъ быть понято исходя изъ «теоріи одного источника», то это именно «Россиада». Монументальный трудъ Хераскова, послѣднее великое произведение великаго жанра на европейской почвѣ, встроено въ античную и новоевропейскую традицію героическаго эпоса, является эпопеей — насколько позволяютъ жанровыя рамки — исторической и — что не менѣе важно — христіанской, причемъ въ полной мѣрѣ христіанско-православной²; благочестіе и горячая вѣра пронизываютъ всю ея ткань и, какъ мы постараемся показать, не встрѣчаютъ себѣ препятствій въ жанровыхъ элементахъ и свойствахъ европейскаго эпоса³. Проблема изслѣдованія осложняется тѣмъ, что

¹ Авторъ приноситъ сердечную благодарность А. Г. Дунаеву и А. В. Иванченкѣ, безъ чьей помощи эта работа не могла быть написана.

² Уже на уровнѣ выбора темы ср. оцѣнку А. А. Керсновскаго: «Покореніе Казани въ исторіи христіанства — праздникъ не меньшій, чѣмъ битва при Лепанто и освобожденіе Вѣны» (Исторія русской арміи. Т. 1. Отъ Нарвы до Парижа. 1700–1814 гг. М., 1992. С. 11). Г. А. Давыдовъ въ своей кандидатской диссертациі 1999 года «Религіозно-философскія поэмы М. М. Хераскова» (М.: ИМЛИ РАН) утверждаетъ и убѣдительно доказываетъ, что масонскіе взгляды Хераскова вполне совмѣстимы съ приверженностью Православію и тѣсно связаны съ нимъ (passim).

³ А. Э. Мерзляковъ въ своемъ знаменитомъ циклѣ статей о «Россиадѣ» въ «Амфiонѣ» предъявилъ поэту упрекъ, что тотъ безразлично ►

источникомъ христіанскихъ мотивовъ можетъ быть не только Св. Писаніе, но и эпика Новой Европы: Торквато Тассо, чей эпосъ — несмотря на всѣ преувеличенія, высказанныя въ нѣкоторыхъ новѣйшихъ работахъ⁴, одинъ изъ важныхъ источниковъ

пользуется языческой и христіанской атрибутикой («Вотъ подлинно чудесная смѣсь чудесностей!»: Россіяда, Поэма эпическая Г-на Хераскова. Письмо къ другу. Амфіонъ. 1815, мартъ. С. 103–104); на него далъ аргументированный отвѣтъ А. Н. Соколовъ въ своей блестящей диссертациі «Исторія русской поэмы (XVIII — первая половина XIX вѣка)». Диссертациія на соисканіе ученой степени доктора филологическихъ наукъ. М., 1948. С. 308: «На одной сторонѣ, на сторонѣ русскихъ, въ „Россіадѣ“ дѣйствуютъ разнообразныя силы христіанской религіи. Херасковъ исчерпывающе используетъ различныя явленія христіанскаго чудеснаго: исходнымъ моментомъ для начала дѣйствія становится рѣшеніе божественной воли, сообщаемой герою черезъ небеснаго посланника; небесныя внушенія жителямъ земли и въ дальнѣйшемъ нерѣдко становятся мотивами дѣйствія; въ нужный моментъ отвергается небо или герой восхищается духомъ на небо; то одинъ, то другой персонажъ имѣетъ какое-нибудь видѣніе; въ бою принимаютъ участіе небесныя помощники. Всеі этой системой христіанскаго чудеснаго управляетъ божественная десница, незримо, а иногда и зримо, присутствующая на исторической сценѣ. Труднѣе было свести воедино разнообразныя нехристіанскія силы, вмѣшивающіяся въ дѣйствіе поэмы. Но у Хераскова здѣсь выступаетъ въ качествѣ объединяющаго принципа нехристіанская, языческая природа всѣхъ этихъ явленій». Въ VIII пѣсни Херасковъ въ одной изъ своихъ аллегорій отождествляетъ безбожіе и магометанство.

⁴ Первымъ такую ошибку сдѣлалъ А. Ѳ. Мерзляковъ, связавшій VII пѣснь «Россіады» — структурно и въ подробностяхъ очень строго ориентированную на IX пѣснь «Фарсалии» Лукана — съ «Освобожденнымъ Іерусалимомъ» (Амфіонъ. Сентябрь. С. 79, 89, 98); см. также: *Р. М. Горохова*. Торквато Тассо въ Россіи XVIII в. (Матеріалы къ исторіи воспріятія). — Россія и Западъ. Изъ исторіи литературныхъ отношеній. Л., 1973. С. 148–157, особенно 153–155; *Ю. В. Стѣнникъ и В. П. Степановъ*. Исторія русской литературы. Л., 1980. Гл. «Литературно-общественное движеніе конца 1760^х–1780^х годовъ». С. 624; *М. Гришакова*. Символическая структура поэмъ М. Хераскова. — Въ честь 70-лѣтія профессора Ю. М. Лотмана. Тарту, 1992. С. 32, гдѣ къ числу источниковъ добавляются безо всякихъ на то основаній Апокалипсисъ и отрывокъ о Фазтонѣ изъ «Метаморфозъ» Овидія.

«Россіады» — имѣть отчетливо контрреформаціонную тенденцію и написанъ пламеннымъ католикомъ, и даже Вольтеръ, ополчающійся въ «Генриадѣ» противъ фанатизма и политики римской курии, но не противъ Бога и не противъ католичества какъ такового. Къ Тассо, по-видимому, восходитъ одинъ изъ наиболѣе яркихъ христіанскихъ образовъ «Россіады» (XI, 423 слл.):

Лицемъ ко небесамъ Россіяне лежали,
 Возшедши души ихъ туда изображали.
 425 Ордынцы ницъ упавъ, потупя тусклый взглядъ,
 Являли души ихъ низшедшія во адъ.

Ср. *Gerusalemme*, VIII, 33, 1–4 (смерть датскаго принца Свено и его воиновъ — одинъ изъ трагичнѣйшихъ эпизодовъ «Іерусалима»):

Giacea, prono non già; ma, come vòlto
 Ebbe sempre a le stelle il suo desire,
 Dritto ei teneva in verso il cielo il vòlto
 In guisa d'uom che pur là suso aspire⁵.

Первое Божественное вмѣшательство въ ходъ дѣйствія въ «Россіадѣ» таково (I, 205 слл.):

205 На радужныхъ заряхъ превыше звѣздъ сѣдящій,
 Во буряхъ слышимый, въ перунахъ Богъ гремящій,
 Предъ коимъ солнечный подобенъ тѣни свѣтъ,
 Въ комъ движутся міры, къмъ все въ мірахъ живетъ;
 Который съ небеси на всѣхъ равнозираетъ,
 210 Прощаетъ, милуетъ, покоитъ и караетъ;
 Царь пламени и водъ, позналъ Россіи гласъ;
 И славы чадъ своихъ послѣдній видя часъ,
 Дни горести ея въ единый мигъ изчислилъ;
 Онъ рuku помощи простерти къ ней помыслилъ...

⁵ Цит. по: *Torquato Tasso. La Gerusalemme liberata. Biblioteca Universale Rizzoli. Milano, s. a., 1950*: «Онъ лежалъ, не склонившись ницъ, но, поскольку желаніе всегда влекло его къ звѣздамъ, его лицо было обращено прямо къ небесамъ, какъ у человѣка, который стремится только къ вышнему».

Безусловно, оно связано со Св. Писаніемъ, но композиционно повторяетъ ходъ Вольтера (ср. *Henriade* I, 183 слл.):

Dans ce même moment, le Dieu de l'univers,
 Qui vole sur les vents, qui soulève les mers,
 Ce Dieu dont la sagesse ineffable et profonde
 Forme, élève, et détruit les empires du monde,
 De son trône enflammé, qui luit au haut des cieux,
 Sur le héros français daigna baisser les yeux.
 Il le guidait lui-même. Il ordonne aux orages
 De porter le vaisseau vers ces prochains rivages...⁶

Такое мѣсто, какъ V, 387 слл., отсылаетъ и къ Библии, и къ описаніямъ Золотаго вѣка въ античной литературѣ:

Мирь страшный брани храмъ заклепами крѣпить,
 У ногъ его въ травѣ волкъ съ агнцемъ купно спить;
 Тамъ голубь съ ястребомъ играючи летаетъ,
 390 И львица юнаго тельца млекою питаетъ;
 Во всей веселости между цвѣтовъ видна,
 Подъ тѣнію древесъ сѣдяща тишина;
 Алмазный щитъ надъ ней спокойствіе держало,
 И щастіе сію богиню окружало.⁷

⁶ Цит. по: Œuvres complètes de Voltaire. Nouvelle édition avec notices, préfaces, variantes, table analytique. Paris: Garnier frères, 1877. V, 8: «Въ этотъ самый мигъ Богъ вселенной, который летаетъ на вѣтрахъ, поднимаетъ моря, тотъ Богъ, чья несказанная и глубокая мудрость созидаетъ, возвышаетъ и разрушаетъ міровыя державы, со своего пламеннаго престола, сіяющаго въ высотѣ небесъ, удостоилъ опустить взоръ на французскаго героя. Онъ вель его самъ; онъ повелѣлъ бурямъ доставить корабль къ этимъ ближнимъ берегамъ...» Ср. также II, 296: «Начну я собственнымъ побѣды побѣжденіемъ», и *Henriade*, IX, 329: *Me vaincre est désormais ma plus belle victoire*, «Отнынѣ побѣда надъ собой — лучшая изъ моихъ побѣдъ»; здѣсь Вольтеръ, какъ это ни парадоксально, служитъ источникомъ для цитаты, повѣствующей о христіанскомъ смиреніи.

⁷ Ср. Ис. 11:6: «Тогда волкъ будетъ жить вмѣстѣ съ ягненкомъ, и барсъ будетъ лежать вмѣстѣ съ козленкомъ; и теленокъ, и молодой левъ, и волъ будутъ вмѣстѣ, и малое дитя будетъ водить ихъ», а также 7–8. Изъ античныхъ источниковъ: Verg. *Ecl.* IV, Ov. *Met.* I, 89 слл., XV, 96 слл. ▶

По сравненію съ эпическими цитатами аллюзіи Св. Писанія относительно немногочисленны. Иногда это общіе мотивы, какъ, напр., I, 226 слл.: «И въ ликѣ Ангеловъ, хвалу Его гласящихъ, / Всевышній рекъ: гряди къ потомку твоему, / Дай видѣть свѣтъ во тмѣ, подай совѣтъ ему», гдѣ можно усмотрѣть цитату изъ Ин. 1:5, или же рѣчь митрополита Даниила (II, 90 слл.): «О Царь! ты кровь мою къ отмщенью воспламенилъ, / Ты бѣдство общее толь живо мнѣ представилъ, / Что не любить въ сей разъ враговъ меня заставилъ; / Но правила мои и санъ претить мой мнѣ, / Другова поощрять и мыслить о войнѣ», гдѣ очевидны отсылки къ Мѡ. 5:44 и Лк. 6:27; сама по себѣ мысль — основополагающая для христіанской морали и воспринимается какъ таковая; въ нѣкоторыхъ случаяхъ, однако, можно уже безъ всякихъ сомнѣній указать прямыя ссылки на Св. Писаніе. См., напр., I, 15 слл.:

«Передъ усыпаннымъ звѣздами олтаремъ, / Гдѣ рядомъ предстоить послѣдній рабъ съ Царемъ; / Гдѣ бѣдный нищету, несчастный скорбь забудеть; / Гдѣ каждый человекъ другому равень будетъ», ср. Іов. 3:19: «Малый и великій тамъ равны, и рабъ свободенъ отъ господина своего»; I, 525 слл.: «Всевышній на него склонилъ свою зѣницу, / И Царь торжественно вступилъ въ свою столицу; / Окрестности ея внезапно процвѣли, / Во срѣтеніе ему, казалось, рощи шли»; ср. Мѡ. 21:8, Ин. 12:13; возможно, имѣются въ виду не только эти мѣста изъ Евангелій, но и обряды Вербнаго воскресенья; I, 531 сл.: «Какъ будто бы струи прешедый чермныхъ водъ, / Ликуетъ на холмахъ толпящійся народъ»; ср. Исх. 14; VII, 67 сл.: «Израилю въ пути столпъ огненный предходитъ; / Россіянъ пламенна къ побѣдамъ храбрость водить»; ср. Исх. 13:21 — «Господь же шель предъ ними [*сынами Израилевыми*] днемъ въ столпѣ облачномъ, показывая имъ путь, а ночью въ столпѣ огненномъ, свѣтя имъ, дабы идти имъ и днемъ и ночью». Сравненіе добродѣтели въ I, 383 сл. — «Какъ

Аналогично II, 285 сл.: «Но Царь, глаза свои возведши къ небесамъ, / Вѣщаль: хочу итти, хочу на Орды самъ». Здѣсь можно усмотрѣть намекъ на молитву Иисусову (Ин. 11:41, 17:1), но это также и эпическій топосъ.

ангелъ, явльшійся Израилю въ ночи, / Имѣла вкругъ главы блистательны лучи», по-видимому, имѣеть основой Быт. 32:24 слл. и восходитъ къ знаменитому эпизоду ночной борьбы Иакова съ Богомъ, который нарекъ его Израилемъ. Татарскій царь Едигерь уподобляется въ свирѣпстѣ евангельскому первосвященнику (XI, 67 слл.): «Жестокій Едигерь, словами уязвленный, / Весь адъ почувствовалъ отвѣтомъ вспламененный; / Біющій въ грудь себя, онъ ризу разтерзалъ, / И Князя плѣннаго тиранить приказалъ» (ср. Мѡ. 65–66: «Тогда первосвященникъ разодралъ одежды свои и сказалъ: Онъ богохульствуетъ!... Они же сказали въ отвѣтъ: повиненъ смерти». Ср. также Мк. 63–64). Въ X, 65–66 («Однако не крушись, печальная Сумбека: / Богъ смерти грѣшнаго не хочетъ человѣка») цитируется Іез. 33:11 — «не хочу смерти грѣшника, но чтобы грѣшникъ обратился отъ пути своего и живъ былъ»⁸; у Сумбеки даже есть свой ангелъ-хранитель, который спасаетъ ее отъ послѣдствій войны и предательства своихъ и приводитъ къ крестильной купели. Интересно, что Херасковъ нарушаетъ принципъ эпической объективности и открыто выступаетъ (VII, 452 слл.) противъ безбожія, которое «Рукой писателей неблагодушныхъ водить, / И ядомъ напоивъ ихъ каменны сердца, / Велитъ имъ отрыгать хулы противъ Творца». Самый сложный случай — IV, 405 слл.:

- 405 Такія въ древности явили чудеса,
 Пророческой рукой въ Персидѣ Небеса;
 Когда олтарнаго огня въ землѣ искавый,
 И вмѣсто онаго воды гнѣздо доставый,
 Неемій вѣтвія сухія напоилъ,
 410 И солнце въ лучъ огонь отъ вѣтвей воспалилъ.

Въ Книгѣ Нееміи ни о чемъ подобномъ не говорится; по-видимому, имѣется въ виду 3 Цар. 18:31 слл., жертвоприношеніе Іліи, гдѣ огонь пожираетъ воду; о наличіи горячей воды — нефти — въ окрестностяхъ Казани Хераскову было извѣстно,

⁸ Эти слова включены въ чинопослѣдованіе православной исповѣди.

какъ явствуетъ изъ описанія сожженія заколдованнаго лѣса въ этой пѣсни; по-видимому, цѣпочка ассоціацій была слѣдующая: нефть — Персія — Неемія. Впрочемъ, это лишь наше предположеніе. Славянскія причастныя формы — при томъ, что вообще языкъ Хераскова звучитъ гораздо «модернистичнѣе», чѣмъ, скажемъ, языкъ его современниковъ, создававшихъ переводные эпосы, — Кострова и Петрова — подчеркиваютъ возвышенность источника.

Однако христіанизация эпической формы не сводится только и исключительно къ реминисценціямъ Св. Писанія. Болѣе того, онѣ представляютъ собой лишь одинъ — и не самый значимый — ея аспектъ. Нѣкоторыя предпосылки для этого процесса закладываются уже въ античности — прежде всего въ «философской религіи» — и сказываются, напр., у Вергилія, гдѣ Елисейскія поля и Тартаръ являются воздаяніемъ за подвиги и преступленія земной жизни, что представляетъ собой опредѣленный шагъ въ направленіи христіанскаго міровоспріятія сравнительно съ Гомеромъ. Слѣдуя своимъ славнымъ предшественникамъ въ изображеніи потусторонняго міра, Херасковъ дѣлаетъ смѣлый шагъ: онъ разводитъ описаніе ада (конецъ IV пѣсни) и пророческое восхожденіе на небо (вторая половина VIII пѣсни), чтобы такимъ образомъ сильнѣе подчеркнуть основной контрастъ эпопеи: адъ связанъ съ обращенностью въ прошлое, съ гордыней и насиліями, приведшими къ гибели Казанскую державу, а рай — съ устремленностью въ будущее, съ христіанскими добродѣтелями, которыя обеспечатъ побѣду Россіи и въ дальнѣйшемъ послужатъ основой ея величія⁹. Неудивительно, что библейскія реминисценціи сопровождаютъ описаніе величія Екатерины (VIII, 781 слл.)¹⁰:

⁹ См. мою статью «Композиція „Россиады“», <http://lib.userline.ru/5297>.

¹⁰ Ср.: Ю. А. *Нелединскій-Мелецкій*. Хоръ для польскаго, въ первый разъ пѣтый въ присутствіи Ея Императорскаго Величества Августа 26го 1796 года при королѣ шведскомъ: «Чуждыхъ странъ цари дивятся, / Зря твоихъ блаженство дней, / Править царствами учатся / У Монархини твоей. / Мудрости Екатерины / Вѣнценосцы жаждутъ внять».

ЕКАТЕРИНА вѣкъ Астреинъ возвратитъ;
 Что въ мысляхъ Петръ имѣлъ, то дѣломъ совершитъ;
 Отъ гордыхъ пирамидъ и титуловъ отречется,
 Но Матерью Она сердцама наречется;
 785 Прибѣжищемъ Она народамъ будетъ всѣмъ:
 Прїидутъ къ ней Цари, какъ въ древнїи Виолїемъ,
 Не злато расточать, не зданїямъ дивиться
 Прїидутъ къ ней Цари, но царствовать учиться.

Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ двумя сюжетами одновременно: читатель вспоминаетъ о царицѣ Савской, пришедшей послушать мудрости Соломоновой (3 Цар. 10, а также евангельская ссылка на это событіе: Мф. 12:42), прямо же ему указывается на поклоненіе волхвовъ. Сопоставленіе царствующей Императрицы съ божествомъ — отнюдь не новость и не дерзость для русскихъ поэтовъ XVIII столѣтія.

Кромѣ такого рода композиціонныхъ рѣшеній, опредѣляющихъ всю архитектуру эпопеи, можно отмѣтить важные эпизоды не столь всеобъемлющаго значенія. Вторая книга посвящена царскому посѣщенію въ сопровожденіи Адашева Троице-Сергіева монастыря¹¹; у нея тоже есть свои параллели (Эней у Сивиллы), есть и вещи, несообразныя съ христіанской практикой и объясняемыя опять-таки вліяніемъ великаго римскаго эпика (дворецъ Пика) — на стѣнахъ монастырской церкви изображены русскіе князья-полководцы, въ т. ч. язычникъ

¹¹ Вотъ описаніе монастыря у Хераскова (I, 418 слл.): «Есть мѣсто на земномъ лицѣ сооруженно, / Сподвижникомъ святыхъ отшельцевъ освященно; / Угодники оттолъ возшедъ на небеса, / Оставили свои неплѣнны тѣлеса, / Которыя прїявъ усердное моленье, / Даруютъ миръ, покой, скорбящимъ изцѣленье; / Угодникъ Сергїй ту обитель основаль; / Онъ въ малой хижинѣ великій трудъ скрываль; / Небеснымъ житїемъ сїи мѣста прославиль, / И Богу тамъ олтарь триличному поставиль; / Увидя стѣны вокругъ и храмовъ красоту, / Возможно городомъ почестъ пустыню ту; / Въ обитель Божїю сокровища внесенны / Являютъ души къ ней усердіемъ возженны; / Тамъ холмъ потокомъ водъ цѣлебныхъ напоень, / Который Сергіемъ изъ камня източенъ; / Развѣсисты древа пригорокъ осѣняютъ, / И храмовъ на главы вершины преклоняютъ».

Святославъ; однако само по себѣ посѣщеніе монастыря съ побѣднымъ пророчествомъ, образующее самостоятельный эпизодъ I пѣсни, — важный элементъ христіанизации Вергиліева наслѣдія. Видной фигурой эпопеи является старецъ Вассіанъ. Его эпическій прототипъ — отшельникъ въ «Генріадѣ», который предсказываетъ Генриху Наваррскому обращеніе въ католическую вѣру; но Вассіанъ играетъ въ «Россиадѣ» гораздо болѣе значительную роль: онъ дважды является на сцену, сначала для того, чтобы безуспѣшно предупредить Царя объ опасности и просить его отложить походъ (VII пѣснь), а затѣмъ — чтобы подкрѣпить его пророчествомъ и обѣщать побѣдное завершеніе трудовъ (VIII пѣснь); при второй встрѣчѣ старецъ рассказываетъ ему о себѣ (VIII, 339 слл.):

- Познай во мнѣ того, которому гонитель,
 340 И ближній сродникъ былъ, усопшій твой родитель;
 Я тотъ, котораго онъ презрѣлъ родъ и санъ:
 Я есмь несчастливый пустынный Вассіанъ*.
 Но горести мои и слезы я прощаю,
 И сыну за отца любовью отомщаю;
 345 Не онъ мнѣ былъ врагомъ, враги мои льстецы,
 Преобращаючи въ колючій тернъ вѣнцы;
 Я былъ гонимъ отъ нихъ. За слезы и терпѣнье,
 Душевное теперъ вкушаю утѣшенье;
 И естли слушаетъ Господь молитвъ моихъ,
 350 Враговъ моихъ проститъ; молюся я за нихъ.
 Мнѣ рай, душевный рай, въ пустынѣ отворился;
 Я тридцати лѣтъ въ пустыню водворился;
 Здѣсь плачу о грѣхахъ мірскихъ наединѣ;
 Нѣтъ злата у меня, чего бояться мнѣ?
 355 Тѣ, кои приключить мнѣ бѣдство уповали,
 Тѣ злоствуя, мнѣ жизнь святую даровали...

* Сей Вассіанъ сосланъ былъ въ заточеніе Царемъ Василиемъ Іоанновичемъ. Многіе думаютъ, что былъ то Князь Голицынъ, но его имя мнѣ не извѣстно. — *Прим. М. М. Хераскова.*

Важнымъ аспектомъ христіанизаціи эпоса является противостояніе Православія магометанству, актуальное какъ для жанровой традиціи (Тассо), такъ и для современности, проходящей подъ знакомъ побѣдъ доблестнаго русскаго оружія надъ Оттоманской портой, Чесмы, которую Херасковъ воспѣлъ въ отдѣльной поэмѣ, Кагула и присоединенія Крыма. Мы уже разсуждали о томъ, что это противостояніе имѣетъ и свой нравственный аспектъ. Кромѣ приведенныхъ случаевъ, слѣдуетъ отмѣтить вставную новеллу о Сафгирѣ, уроженцѣ Рязанскихъ полей, который бѣжитъ въ Крымъ, принимаетъ исламъ, становится виднымъ лицомъ при ханскомъ дворѣ, отличается неслыханной жестокостью и руководитъ опустошительнымъ набѣгомъ (VI пѣснь). Въ этомъ набѣгѣ онъ невольнo убиваетъ своего отца; узнавъ объ этомъ, онъ раскаивается и бѣжитъ къ русскимъ, чтобы сообщить имъ о нападеніи крымцевъ. Эпизодъ завершается словами Іоанна (VI, 245 слл.): «Но Царь вѣщаль ему: не мнѣ за грѣхъ твой мстить: / Прощаю то тебѣ, что я могу простить; / Но казни избѣжать въ судѣ по смерти строгомъ, / Покаясь предо мной, покаясь и предъ Богомъ. / Сафгиръ, сей страшный левъ, сталь кротокъ какъ олень, / И скрылся отъ людей, крещеньемъ омовень». Важна для этой темы и судьба православнаго царя ордынцевъ Алея, сторонника Москвы: измѣна казанскихъ верховъ и предательство черни открываютъ наконецъ глаза этому чловѣку, слабому, по словамъ старца Вассіана, не въ дружбѣ, а въ любви (IX, 46). Наконецъ, самымъ мощнымъ проявленіемъ христіанизаціи жанра эпопеи въ «Россіадѣ» является ея финальный эпизодъ. Мы приведемъ его цѣликомъ, поскольку онъ говорить самъ за себя (XII, 875 слл.):

865 Разженный къ Вышнему благоговѣннемъ Царь,

Во градъ повелѣлъ сооружить Олтарь.

Влекомые къ Царю небесной благодатью,

Сопровождаются чины священны ратью;

Ликують небеса, подземный стонетъ адъ;

870 Благоуханіемъ наполнился весь градъ.

Гдѣ вопли слышались, гдѣ стонъ и плачь недавно,

Тамъ нынѣ торжество сіяетъ православно;
 Святое пѣніе пронзаетъ небеса:
 Животворящая простерлася роса;
 875 И стѣны чистою водою окропленны,
 Свой пепель отряхнувъ, явились оживленны;
 Святому пѣнію съ умильностью внемля,
 Возрадовались вкругъ и воздухъ и земля.
 Тогда среди кадилъ на гору отдаленну,
 880 Олтарь возносится, являющій вселенну;
 Хоругвями уже онъ зрится огражденъ,
 Недвижимый стоитъ на камняхъ утвержденъ.
 Передъ лицомъ святой и таинственной Сѣни,
 Первосвященникъ палъ смиренно на колѣни;
 885 Онъ руки и глаза на небо возносилъ,
 И Бога къ Олтарю низшедша возгласилъ!
 Народъ и Царь главы со страхомъ преклонили,
 Небесные огни сердца возпламенили.
 Тогда, дабы почтить святую благодать,
 890 Тѣла во градѣ Царь велѣлъ землѣ предать;
 Онъ теплыхъ слезъ своихъ Ордынцевъ удостоилъ;
 По стогнамъ наконецъ священный ходъ устроилъ;
 Повсюду пѣніе, повсюду оиміямъ.
 Гдѣ тартаръ ликовалъ, ликуетъ Вѣра тамъ;
 895 Безбожіе взглянувъ на Святость, воздохнуло.
 И солнце на Казань внимательно взглянуло;
 Спустились Ангелы съ лазоревыхъ небесъ;
 Возобновленный градъ главу свою вознесъ;
 Отъ крови въ берегахъ очистилися волны;
 900 Казались радостью лѣса и горы полны.
 Перуномъ пораженъ Раздоръ въ сіи часы,
 Терзаетъ на главѣ змѣиные власы,
 Со трепетомъ глаза на Благодать возводитъ;
 Скрежещетъ, мечется, въ подземну тму уходитъ¹².

¹² Это мѣсто также восходитъ къ Вольтеру: ср. *Henriade*, X, 511: *La Discorde entra dans l'éternelle nuit*, «Раздоръ вернулся въ вѣчную ночь». Ср. также Verg. *Aen.* VI, 280 сл.: *Discordia demens / vipereum crinem vittis inplexa cruentis*, «Безумный раздоръ съ кровавыми повязками, вплетенными въ его змѣиные волосы».

Такимъ образомъ, какъ мы видимъ, ни эпическая форма, ни языческая атрибутика не являются для благочестиваго писателя непреодолимымъ препятствіемъ. Христіанскій паѳосъ въ его поэмѣ выразился настолько ярко, насколько это возможно для эпоса, строго соблюдающаго свои жанровые законы.

СО ДЕРЖАНИЕ

НЕУЛОВИМЫЯ МГНОВЕНЬЯ

(второй сборникъ стиховъ)

Благосклонному читателю	7
Автоэпитафія	9

ЭССЕ

Боги азбучныхъ истинъ. Расцвѣтъ и упадокъ Римской имперіи глазами римлянъ	11
Овидій и его <i>Метаморфозы</i>	20

СТИХОТВОРЕНІЯ

«...И мысль, подобная кроту...»	31
«Горя свободой, — снѣдь червя...»	31
Октавы	32
Catedral de Santa María de la Sede de Sevilla. <i>Элегія</i>	33
«Грядущее! во мракѣ укрывая...»	34
«Сатурнъ помаваетъ крылами...»	35
Монастырь S. Francesco въ Монтеллѣ	36
«Я шель домой дорогою окружной...»	37
Лисенокъ	38
«...Но мыслить — злое ремесло...»	38
«Что вспоминали вы, ахейскіе герои...»	39
Андре Шенье	40
Памяти О. Н. и В. П. З.	41
Эней	42

«Недостижимый небосводъ...»	43
«Горить луна, вода течетъ...»	44
«Жизнь предо мной — лохань съ водой холодной...»	45
Подражаніе Архилоху	46
Сонетъ, сброшенный съ горы.	47
«Еще одинъ, похоже, прожить...»	48
Авзонію	49
Бѣлочка	50
Къ моему генію	51
«Безпомощна земля, и люди безпросвѣтны...»	52
«Голубизна небесъ и глубина...»	52
«Исчезнуть, ничего не измѣня...»	53
«Какъ иней на травѣ осеннихъ грядокъ...»	53
Сонетъ, сброшенный съ горы — II	54
Помпей въ гавани	54
Клитемнестра	55
Памяти Бейлисъ	56
«Ни въздыханья, ни печали...»	56
«Случайности ль игра, судьбы опредѣленье...»	57
Титаникъ	58

ПЕРЕВОДЫ И ПОДРАЖАНІЯ

Подражаніе Гиппонакту	59
<i>Еврипидъ</i>	
Фрагменты изъ трагедіи «Фаэтонъ»	60
Изъ трагедіи «Геракль»	69
<i>Проперцій</i>	
II, 16.. . . .	70
IV, 7	71
<i>Жанъ де Ротру</i>	
Изъ трагедіи «Умирающій Геркулесь».	75
<i>Франсуа-Мари Аруэ Вольтеръ</i>	
Пиндарическая галиматья	76
<i>Жакъ Перкъ</i>	
Сонетъ I	78
<i>Виллемъ Клоосъ</i>	
«Мнѣ грезилось о ночи голубой...»	79
«Вечерняя воздушная волна...»	80

«Ну что жь... все такъ, и нынѣ мнѣ дано...»	81
«Я слишкомъ человѣкомъ былъ...»	82
<i>Антеру де Кенталъ</i>	
<i>Solemnia verba</i>	83
<i>Лайза фомъ Кобальтскопфъ</i>	
«За хищный нравъ, за всѣ мои грѣхи...»	84
«Среди застывшихъ каменныхъ громадъ...»	85
Геттингенскіе стансы	86

СТАТЬИ о М. М. ХЕРАСКОВѢ

[Предисловіе]	89
Техника эпического каталога въ «Россиадѣ» Хераскова	91
Христіанскіе источники «Россиады» М. М. Хераскова	101
Ода М. М. Хераскова на восшествіе на престолъ Императора Александра I	113
<i>Россиада</i> М. М. Хераскова и античная эпическая традиція.	146
Приложеніе. Изъ статьи «Силій Италикъ: къ исторіи рецепціи»	194
Новоевропейскій эпосъ въ <i>Россиадѣ</i> Хераскова	198
Русскій Гомеръ. Опытъ о литературной репутаціи	239

Рецензїи

<i>Н. А. Гранцева.</i> Сказанья русскаго Гомера. 2012	327
<i>Д. П. Ивинскій.</i> М. М. Херасковъ и русская литература XVIII — начала XIX вѣковъ. 2018	342